

Не подумайте, что я говорю поголовно о всѣхъ нищихъ, которыхъ вы видите на улицахъ столицы,—нѣтъ, я говорю только о промышленникахъ, которые цѣлымъ рядомъ испытаній достигли ихъ настоящаго положенія.

Сразу въ эту корпорацію не попадаетъ никто! Для этого у кандидатовъ есть степени, а вотъ, пока кандидатъ не дошелъ до извѣстной степени, его всегда можно вернуть къ жизни трудовой. Когда же онъ перешагнулъ ее—все кончено, безповоротно. Прелесть равноправной, безшабашной трущобы увлечетъ жертву и никогда не отдастъ ее обществу.

И вотъ нашимъ благотворителямъ, будь то частные люди или члены симпатичнаго городского попечительства, и нужно обращать вниманіе не на безплезную помощь въ видѣ подачекъ мелочи промышленникамъ, а вырывать у трущобы людей, еще не слившихся съ ней, а то будетъ тогда уже поздно. Тогда они получаютъ званіе «стрѣлковъ» («стрѣлать» собирать милостыню) и не промѣняютъ этого званія ни на что.

Число профессиональных нищихъ въ Москвѣ прибавляется постепенно съ ростомъ города. Случайные же, временные нищіе, впавшіе въ нищету вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, то увеличиваются въ своемъ количествѣ, то

уменьшаются, отдавая все-таки часть своихъ въ касту настоящихъ стрѣлковъ безповоротно.

Въ числѣ временныхъ нищихъ находятся чернорабочіе-поденщики, одинъ день успѣвшіе найти работу, а на другой, не сыскавъ ее, идущіе просить на ночлегъ и на хлѣбъ. Ихъ положеніе далеко хуже нищихъ-промышленниковъ. Ихъ то и дѣло арестуютъ и сдаютъ на этапъ въ то самое время, когда промышленники, вслѣдствіе многолѣтней опытности, почти не попадаютъ въ руки полиціи, и «зарабатываютъ» большія деньги.

Первые — въ продолженіе вечера. — днемъ боятся просить, — едва наберутъ 10 копѣекъ; а послѣдніе, знающіе мѣста и обычаи, въ одно утро добываютъ рубли.

Насколько прибыльно въ столицѣ подобное ремесло, видно изъ того, что есть люди, нажившіе состояніе только нищенствомъ. Нерѣдко приходится читать въ газетахъ, что въ лохмотьяхъ умершаго нищаго найдены выигрышные билеты или въ сундукѣ занимаемаго имъ угла оказываются сотни и тысячи рублей.

Подобные факты часто встрѣчаются въ газетахъ, а, какъ извѣстно, въ газеты попадаетъ вообще слишкомъ маленькій процентъ извѣстій, а такихъ еще рѣже. Нищіе ютятся въ трущобахъ, тамъ же и умираютъ, а трущобная публика не постѣ-

снится обыскать карманы у мертвого, особенно если ходили слухи, что онъ съ деньгами. Большинство денегъ пропадаетъ такъ, безвѣстно, переходя въ наслѣдство или родственникамъ или тѣмъ, кто сумѣетъ подцѣпить ихъ. Мало этого — есть нишіе-содержатели торговыхъ заведеній.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у мирового судьи тверского участка судился рецидивистъ-нищій Савиновъ, потомственный почетный гражданинъ. По справкамъ оказалось, что онъ содержитъ нѣсколько овощныхъ лавокъ, бойко торгующихъ, и настолько изловчился въ знаніи мѣсть и умѣньи просить, что набиралъ по два и по три рубля въ день. Подавали ему и тѣ лица, которыя въ минуту крайней нужды выпрашивали копѣечный кредитъ въ его же лавкѣ.

Нишіе обложили Москву крупнымъ косвеннымъ налогомъ, на который и существуютъ, какъ только имъ этого хочется.

Профессіоналисты дѣлятся на группы.

Есть нишіе «съ ручкой». Эта «перелетная» группа, мыкающаяся изъ одной церкви въ другую, люди, у которыхъ рука привыкла быть согнутой подъ прямымъ угломъ, съ пальцами, сложенными въ горсточку. Между ними попадаются „двуручники-шулера“, обладающіе искусствомъ въ тѣснотѣ протягивать одновременно обѣ руки и въ обѣ получать подаяніе.

Вторая группа, это — нищие, которые постоянно присутствуют за поздней обѣдой, на паперти. Женщины преимущественно съ грудными дѣтьми, взятыми на прокатъ, и полѣньями, обвернутыми въ тряпку, исправляющими должность „грудныхъ дѣтей“; мужчины слѣпые и убогіе — настоящие и мужчины слѣпые и убогіе — поддѣльные. Къ этой группѣ причисляются монахи небывалыхъ монастырей, пилигримы, идущіе всю жизнь не отъ Рима до Іерусалима, а отъ Хитрова рынка до паперти и обратно. Каждое утро въ ночлежныхъ притонахъ странники, опохмелившись въ кредитъ у съемщика квартиры стаканомъ разбавленной сивухи, облакаютъ странническій кафтанъ, ранецъ съ тряпьемъ, скуфейку, берутъ въ руки для полноты картины посохъ и отправляются за сборомъ. Вся эта „братія“ начинаетъ свою работу въ 9 часовъ утра и оканчиваетъ въ полдень.

Третья группа — нищие, собирающіе по лавкамъ, торговымъ рядамъ, трактирамъ и проч. Ихъ занятія начинаются въ 10 часовъ утра и заканчиваются въ 5 часовъ пополудни. Это — лица всевозможныхъ сословій и профессій, въ большинствѣ случаевъ потерявшіе мѣсто приказчики, конторщики, чиновники, прислуга, дѣти родителей-тунеядцевъ, часто здѣсь, на промыслѣ, встрѣчающіяся со своими роди-

телями, затѣмъ промотавшіеся господа, допотопныя барыни и отставные военные.

Четвертая группа это — „бѣдный, но благородный человѣкъ“ и „бѣдная, но благородная дама“. Это — отставные офицеры, чиновники, промотавшіеся дворяне и разночинцы, изъ коихъ послѣдніе обязательно выдаютъ себя за офицеровъ и чиновниковъ и даже нерѣдко надѣваютъ соотвѣтственный костюмъ.

Всѣ они въ выпрашиваніи милостыни отличаются невѣроятнымъ нахальствомъ и назойливостью. Ихъ „занятія“ продолжаются цѣлый день и даже часть ночи. Встрѣтить ихъ можно на бульварахъ, людныхъ улицахъ, у входа въ гостиницы, богатые магазины и у подъѣздовъ. Эти „господа“ не отстанутъ до тѣхъ поръ, пока не подадутъ, и зачастую бываетъ, что неподавашаго имъ, особенно беззащитную даму, осыпаютъ бранью.

Зимой ютятся по ночлежнымъ притонамъ, лѣтомъ ночи проводятъ на бульварахъ, въ паркѣ и Сокольникахъ.

Любимый способъ въ выпрашиваніи милостыни — употреблять французскія фразы.

Пятая группа — нищіе-шуты, существующіе на счетъ купеческаго самодурства. Типы замоскворѣцкіе. Эти несчастные позволяютъ дѣлать надъ собой купеческимъ саврасамъ все, что угодно. Ихъ травятъ собаками, пугаютъ, заставляютъ пить вмѣ-

сто водки керосинъ и вообще глумятся надъ ними всѣми возможными и невозможными способами. Нищіе же, давъ надъ собою натѣшиться вдоволь, настоятельно требуютъ себѣ подачки. Это группа вымирающая; прежде, когда очень грубое самодурство купечества не находило себѣ ни въ чемъ удовлетворенія, нищіе-шуты были въ большой модѣ.

Шестая группа—нищіе, занимающіеся разсылкой писемъ къ разнымъ благодѣтелямъ и вообще ко всѣмъ мало-мальски прилично живущимъ.

Къ этой категоріи принадлежатъ дворяне. Это интеллигенція въ слоѣ нищихъ. Есть между ними и лица титулованныя, отставныя офицеры, чиновники отъ XIV до V класса, почетные граждане.

Жатва ихъ обильная. Приходъ съ громаднымъ избыткомъ покрываетъ расходъ. Расходъ такой: коробка конвертовъ въ 100 штукъ—20 коп., 100 листовъ почтовой бумаги—20 коп. и 100 марокъ почтовыхъ 5 руб. Марки, впрочемъ, покупаются не сотней, а по мѣрѣ надобности. Полагая, что отъ одного лица такихъ писемъ посылается въ день 8 штукъ, выходитъ такой расчетъ: 8 марокъ городскихъ по 5 к.—40 к., 8 листовъ бумаги и 8 конвертовъ 3 к. Итого 43 коп. Можно навѣрное сказать, что 6 писемъ будутъ удовлетворены, а меньше четы-

рехъ никогда не остаются безъ отвѣта менѣе рубля. Слѣдовательно, приходъ будетъ 4 рубля, т.-е. остается чистыхъ 3 р. 57 к. Но бываетъ нерѣдко, что на письмо получается по 3, 5 и даже по 10 р. Иногда присылается просителю кромѣ денегъ носильное платье.

Каждый изъ такихъ нищихъ обязательно имѣетъ „Адресъ-Календарь гор. Москвы“. Изучивъ по немъ кто живетъ, положимъ, на Пречистенкѣ, онъ въ извѣстный день и пишетъ, положимъ, 15 писемъ на Пречистенку, не пропустивъ никого.

Нечего и говорить, что письмо написано жалостное и полное лести. Разсказываютъ высокимъ слогомъ свое положеніе, неудачи и бѣдность. Отправивъ письмо, на другой день отправившій идетъ по адресамъ и звонить непременно въ парадное крыльцо. Костюмъ для этихъ случаевъ у „бѣднаго, но благороднаго человѣка“ имѣется всегда подходящій, приличный, взятый часто на прокатъ. На вопросъ швейцара: „кого угодно?“ проситель говоритъ:

— Вчера было послано письмо по городской почтѣ, такъ ждутъ отвѣта.

Швейцаръ уходитъ и минутъ черезъ пять выносить, обыкновенно, запечатанный конвертъ. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ дома, „благородный“ вскрываетъ конвертъ и вынимаетъ изъ него кредитку, а

затѣмъ продолжаетъ обходить другіе дома, куда наканунѣ были посланы письма. Вечеромъ деньги пропиваются, а на другой день летятъ письма на Срѣтенку, на третій — на Мѣщанскую и т. д.

Черезъ мѣсяцъ или два опять подсылаются письма на Пречистенку, тѣмъ-же самымъ лицамъ.

Капиталистамъ такихъ писемъ въ день приходится иногда штукъ до десяти. Это слишкомъ немного для человѣка богатаго, и почти половина писемъ удовлетворяется. Принимая во вниманіе, сколько такихъ писемъ ежедневно посылается по всѣмъ московскимъ улицамъ, можно сдѣлать выводъ количества нищихъ этой группы, прямо сказавъ: оно громадно.

Самые крупные сборы они дѣлаютъ передъ годовыми праздниками. Лѣтомъ собираютъ такимъ же образомъ на дачахъ. Къ этой группѣ, пожалуй, можно причислить и „вѣчныхъ невѣстъ“, всю жизнь собирающихъ на приданое, и разныхъ „вдовъ капитановъ и майоровъ“, въ большинствѣ случаевъ никогда не бывшихъ замужемъ, а перешедшихъ во вдовы съ годами изъ вѣчныхъ невѣстъ.

Седьмая группа — погорѣльцы. Они снуютъ вездѣ: по бульварамъ, по улицамъ, по домамъ. При нихъ имѣются поддѣльные свидѣтельства о пожарахъ. Свидѣтельства эти на нищенскомъ жаргонѣ на-

зываются „Викторки“ и „Малашки“. Первые—у гусяковъ, вторые—у такъ-называемыхъ „шуваликовъ“, Вереяскаго уѣзда. Здѣсь цѣлая волость занимается шляньемъ по сборамъ на погорѣлое мѣсто въ разные города. То-же самое продѣлываютъ и гусяки, уходя чуть не поголовно изъ нѣкоторыхъ волостей, особенно Запоторской, Богородскаго уѣзда, на этотъ промыселъ. Въ деревняхъ этой волости—нерѣдкость заколоченные на-глухо дома. Это значитъ, что хозяева ушли съ „викторками“. Всѣ „погорѣльцы“ одѣты по-деревенски. Съ ними часто бабы съ грудными дѣтьми.

Восьмая группа—сидяки.

Названіе показываетъ способъ ихъ промысла. Много изъ нихъ мнимо-безногихъ. Сидятъ на улицахъ, положивъ съ собой рядомъ костыли, отсутствіе которыхъ (безъ публики), ясно, не мѣшаетъ имъ ходить и бѣгать. Есть сидяки и не притворяющіеся убогими, а берушіе благородствомъ вида. Типичнѣйшій изъ нихъ сидѣлъ 12 лѣтъ на скамеечкѣ у Страстнаго монастыря. Это почтенный, хорошо одѣтый, пожилой мужчина, весьма благообразнаго вида. Въ рукахъ его костыль. Онъ, при видѣ каждаго прохожаго, слегка привставалъ, снималъ шапку и молча кланялся, едва протягивая сложенную въ горсточку руку. Только нѣсколько дней назадъ, го-

родское попечительство, совмѣсто съ полиціей, попросило его удалиться изъ Москвы въ тотъ городъ, гдѣ онъ былъ приписанъ. Этотъ нищій—крещеный еврей. За 12 лѣтъ сидѣнія онъ сколотилъ кругленькій капиталецъ, имѣлъ въ Москвѣ прекрасную квартиру и жилъ положительно состоятельнымъ рантье, обкладывая данью всѣхъ прохожихъ. Теперь, на новомъ мѣстѣ жительства онъ открываетъ торговлю.

Девятая группа — мальчишки и дѣвчонки, торгующіе спичками или бѣгающіе за пролетками и просящіе милостыню. Они прибѣгаютъ иногда къ обману:—увидя идущаго прилично одѣтаго господина, или еще чаще даму, они дѣлаютъ видъ, что ищутъ что-то на мостовой и горько плачутъ. Прохожій обращаетъ на такого свое вниманіе, участливо спрашиваетъ о причинѣ слезъ и получаетъ въ отвѣтъ:

— Хозяинъ послалъ за водкой, далъ двугривенный, а я его потерялъ! Изобьетъ онъ меня,—и опять рыданія и слезы.

Получивъ двугривенный отъ добросердечнаго, тронутаго прохожаго, мальчуганъ перебѣгаетъ на другую улицу и продѣлываетъ то-же самое, пока не наберетъ столько, сколько нужно отдать своимъ родителямъ или воспитателямъ (иногда антрепренерамъ!), пославшимъ его.

Къ десятой группѣ можно причислить всѣхъ остальныхъ. Тутъ есть такъ-назы-